

1

ИГРА СЛУЧАЯ

РОССИЯ, 2 СЕНТЯБРЯ, ВЕЧЕР

Марк Ставров захлопнул дверцу «Форда», заложил руки в карманы брюк и недовольно покосился на охранников. Те, подняв капот, с детской увлеченностью разглядывали внутренности автомобиля. Иногда из-под капота выпрыгивал луч фонарика, а телохранители выпрямлялись и вполголоса переговаривались. Вечер выдался настолько тихий, безветренный, что все звуки вокруг слышались отчетливо. Потому Марк и уловил рев мотоцикла еще издали, отчего нервы натянулись. Вскоре мимо промчался мотоцикл, остановился неподалеку, мотоциклист вбежал в продуктовый магазин. Марк почувствовал облегчение и нетерпеливо спросил:

— Ну что там?

— Кажется, все в норме, — ответил Кеша, не высовывая головы из-под капота. — Свечи надо проверить. Леха, дай-ка перчатки.

Леха обошел машину, открыл багажник. Оба телохранителя умеют многое. Леха по собственной инициативе выполняет обязанности водителя, Кеша ремонтирует транспорт и бытовую технику, экономя боссу деньги. Марк не скупится, оплачивает их работу с лихвой, потому что знает: скупость, бывает, стоит жизни, тогда все сокровища мира уже

не понадобятся. Ставров доверяет им, как себе, сейчас ведь мало найдется людей, которым можно доверять, а ему повезло.

— Надолго? — спросил он.

— Быстрее, чем есть, не будет, — сказал Леха естественно тонким голосом, шествуя к Кеше с вязаными перчатками в руках. Из-за высокого тембра многие ошибочно принимают его за голубого, а Леха мужик во всех смыслах, кроме голоса. Он отдал перчатки Кеше и бросил Ставрову: — Вон бар, зайди выпей, а не стой у нас над душой.

Марк повернулся. Напротив мигала неоновая надпись: «...ар ор». Усмехнувшись про себя светившейся нелепости, Марк побрел на огонек. У входа задержался и поднял голову. Оказалось, что бар называется «Бор», просто начальные буквы слов не загорелись. Внезапно на плечо легла тяжелая рука, а хриплый голос произнес:

— Вот я тебя и поймал!

Грудь обожгло кипятком, затем кипяток распространился по рукам и ногам, пульсировал в висках, но, не найдя выхода, вернулся назад к сердцу. Ставров не потерял способности мыслить, а мысли пронеслись одна страшной другой: «Все. Конец. Так глупо». Тяжелую руку и хриплый голос Марк мгновенно связал с выстрелом в начале мая и со всеми последующими событиями. Сейчас он ждал второго выстрела, которого тогда, в мае, так и не услышал, однако понимал, что когда-нибудь это случится. Единственное, чего хотел в данную минуту, так это посмотреть в лицо человеку, который его убьет...

ПАРИЖ, ЭТОТ ЖЕ СЕНТЯБРЬСКИЙ ВЕЧЕР

Мелкие пузырьки дешевого вина, прилипшие к внутренним стенкам стакана, ловили электрический свет, придавая рубиновому цвету

искристость. Выпив половину красной кислятины, Володька поморщился, но потом с приятным ощущением усталости откинулся на подушку.

Через открытое окно влетал в маленькую каморку свежий воздух и гул ночного Парижа. Днем отсюда виден лишь внутренний двор, ночью — зияющая чернота внизу да стена напротив. В это время суток можно с трудом разглядеть одни мусорные баки внизу, где в недавнем прошлом он частенько отыскивал ужин. Кстати, давнего прошлого у него нет. Нет, прошлое, конечно, есть, как у всякого человека, но в двадцать три года о нем не задумываются, в нем не путаются, оно не приносит ни радости, ни сожаления.

Володька — оригинальный субъект: откровенный, независимый, вспыльчивый, немного авантюрист и не умеет жить по распорядку обывателей. Еще талантливый, это, пожалуй, в нем главное.

День выдался умопомрачительный. Уж каким образом удалось попасть на выставку молодых художников — одному богу известно, в которого он не верит. Устроители выставки взяли три его работы из шести. Три картины проданы! О таком успехе можно только мечтать, хотя художник из России был уверен в нем. Конечно, не без помощи Влада, работающего во Франции рекламным агентом. Сегодня открылся путь на вершину, к славе!

На выставке... О, это что-то! Ничего подобного в России не бывает. Ну, во-первых, молодому дарованию попасть на престижную выставку хренушки дадут динозавры из Союза художников, захватившие Олимп еще в застойные времена. А если ты к тому же из провинции, на тебя вообще смотрят как на червяка, попавшего в тарелку. Во-вторых, ты обязан считаться с их вкусами, с их мировоззрением, что просто невыполнимо, если хоть немного талантлив. А в-третьих, вопросы: «Где учились?.. Ах, всего-то худшко-ла... Сколько персоналок?.. Ах, ни одной...»

и тому подобная дребедень — унижают и бесят. В России талантам делать нечего, закопают и землю притопчут, чтобы следов не осталось, — таково убеждение Володьки. В лучшем случае дадут краски и жратву, чтобы не подох, а потом... Короче, он на это дело посмотрел и послал всех открытым текстом (он парень простой, из глубинки, чего с него взять?). Накопил денег на загранпаспорт, добрые люди — есть еще такие — дали кое-какие адреса, и отвалил пешкарусом в Париж. Добирался как «руссо туристо», с рюкзаком за плечами и гитарой под мышкой, которой добывал на пропитание, горланя русские песни. Добрался!

От своих работ на выставке держался поодаль, но так, чтобы видеть. Они находились в окружении мазни, «выдержанной в цвете»: то оттенки красного ужаса с желтым кошмаром вперемешку, то сине-зеленая мертвечина. Все эти «новшества» à la примитивизм с изломанными линиями и яйцами вместо голов вызывают блевотину. А в его работах сила, обилие красок, надежда и обреченность одновременно, образное решение, да и рисунком владеет отлично, что в наше время редкость. Конечно, работы Володьки привлекали посетителей. Попадая в зал, прежде всего подходили к его картинам, долго рассматривали, переговаривались и... ОТХОДИЛИ! Ух, Володька ненавидел в тот момент зажавшую публику, этих чванливых снобов, которые, как и в России, делают вид, что шибко грамотные в искусстве. Им нужно ИМЯ! А у Володьки нет имени. «Да, черт вас дери, не рождаются же люди с именем сразу!» — хотелось закричать на всю галерею. Он впал в отчаяние. Ведь ради этого дня столько вынес, стал натуральным аскетом. Домой топать опять пешком и на автостопе? На носу осень. У них, во Франции, тепло, а у нас через неделю в спальном мешке без теплой одежды на голой земле-матушке не заночуешь. И в кармане нет ни одного французского гроша. Ну, ни одного! Совсем.

Не так представлял настоящих ценителей, воображение рисовало иную картину. Пораженные посетители стоят безмолвно со слезами на глазах перед его полотнами. Растет толпа... Кто-то протискивается вперед, кто-то ищет автора, все безумно хотят заполучить его работы. Тут же начинается аукцион. Володька вынужден съездить за тремя картинами, которые забраковали устроители, а теперь готовы с юного живописца пылинки сдувать... Классно! Этот бред видится каждому художнику, пусть не врут, что прежде всего творчество, а остальное — мишура.

Он давал уже клятву больше никогда в жизни не брать в руки кисти, даже карандаш! Но его отвлек подошедший администратор или бес знает кто, затарабанил на своем французском языке. Находясь во Франции больше трех месяцев, Володька едва усвоил слов сто, пополнял лексикон с трудом, а быструю речь французов вообще не разбирал. Тот самый Влад, один из списка адресатов, полученного в Москве, пропихнувший работы на выставку, очутился рядом и перевел:

— Он поздравляет, купили «Времена года». Это первая проданная картина сегодня.

— Кто купил? — спросил, захлебнувшись счастьем, Володька.

Влад обменялся с администратором несколькими фразами и незаметно для окружающих указал на строгую брюнетку у полотна «Туман», тоже кисти Володьки:

— Видишь женщину в костюме стального цвета с темной отделкой? Она.

— Ух ты! — замер Володька-везунчик. — Вот это мадам! Сколько ей примерно?

— Кто их тут разберет. Думаю, от двадцати пяти до сорока, где-то в этом промежутке. Э, да ты, киндер, зря губешки раскатал. Ее могут интересовать только твои картины, но не ты.

— Посмотрим, — заявил нахально Володька и смело направился к мадам.

О, француженки — это что-то! Времени не было засматриваться на парижанок, но именно так он представлял себе настоящую парижанку. Она должна быть утонченной, элегантной, с безупречным вкусом (о ее вкусе говорит покупка Володькиной работы) и приятная внешне. Лишь на секунду покорила собственная одежда, но на секунду. Вспомнил, что имеет вполне нормальный визаж (лицо по-французски), а под одеждой неплохое тело, без жировых отложений, с крепкими мускулами. Плюс ко всему его выделяет из общей массы неординарность натуры и развитый интеллект, не говоря уже о физических возможностях в интимных делах. Этого вполне достаточно, чтобы запудрить мозги любой мадам. Но как запудривать? Она вряд ли знает хотя бы пару слов по-русски, он тоже не полиглот, каким же образом раскроет свой богатый внутренний мир? Не из простых задачка. Да и с чего решил, что она заинтересуется лично им? Вот дурак!

— *Bonsoir, madame*, — сказал он на ужасающем французском, став у нее за спиной. А французы страсть как щепетильны, терпеть не могут, когда ИХ ЯЗЫК (!!!) коверкают.

Она обернулась, заинтересованно приподняла бровь. Светло-карие глаза удлинненной формы показались умными, спокойными. Он мог бы много рассказать об обладательнице таких выразительных глаз, но не ей же! Не зная, с чего начать, вывалил коктейль из английского, французского и русского:

— *J am... peintre... Черт! Я хотел сказать — je suis peintre (Я художник). Yes! Ce sont mes tableaux (Это мои картины). Фу, кажется, вырлил. Вы купили «Времена года»? Ни хрена не понимает... Ну и ладно.*

Мадам, вы сделали правильный выбор. Эти
10 три картины — лучшее, что здесь есть. Слу-

шайте, мадам, почему бы вам не купить еще две? Через пяток лет за них вы сможете приобрести половину собора Парижской Богородицы... Меня заносит, кажется... К счастью, ты не понимаешь...

Поискав в зале Влада, издали наблюдавшего за ними, сделал знак рукой, мол, топай сюда. Тот отделился от небольшой группы мужчин, поспешил к ним:

— Вовик, ты в рубашке родился. Нет, в шубе. «Туман» и «Девочку» купил вон тот почтенный господин.

— Yes! — воскликнул счастливчик, но тут же осекся, ибо на него оглядывались посетители, строго хмурясь.

— Проблемы? — спросил Влад, глядя почему-то на мадам.

— Понимаешь, я объяснял ей смысл работ, — врал Володька, — но... Она же ни бельмеса... Помоги.

Влад затараторил, оживилась и женщина. Из быстро текущих фраз уху Володьки уловило лишь собственное имя и фамилию. Она протянула руку:

— Poline.

— Полин... — повторил Володька и, пожав теплую ладонь, представился: — Владимир.

Внутри негодовал. Какого черта мама не заставляла учить языки?! Почему учителя были недостаточно строгими?! Теперь содержи еще и переводчика!

А Полин говорила вполголоса в низком регистре, Влад объяснил:

— Полин поражена твоими работами. Особенно манерой исполнения. Как тебе удалось передать тепло человеческого тела, притом используя всю цветовую гамму? Это не я спрашиваю, это она интересуется.

— Понял. Тебе вообще углубление в тонкости живописи противопоказано. Видите ли, мадам... — начал важно Володька.

— Не рисуйся, — осадил Влад.

— Тогда скажи: талант и вдохновение.

— Нескромно и банально, — буркнул Влад, но перевел.

Она улыбнулась — не снисходительно, как часто улыбался Влад, — подошла ближе к «Временам» и задала вопрос. Влад перевел:

— Полин спрашивает, не жаль расставаться с картиной?

Володька постарался взглянуть на свое творение абстрагированно, словно не имел к нему никакого отношения.

Группа из четырех женщин — аллегорий времен года — великолепно вписалась в фантастически буйную природу четырех годовых циклов. Обнаженная Весна в нижней части картины лежит на животе. Поднеся к лицу пучок зеленой травы, она вдыхает запах рыхлой земли после стаявшего снега. Коснувшееся юного тела солнце оживляет девушку, глядящую на зрителей с лукавством и беззаботностью. Она прекрасна, как только может быть прекрасна юность. Рядом с ней присела девушка постарше в выцветшем ситцевом платье, босая, с запутавшимися в волосах цветами — Лето. Она сосредоточенно рассматривает яблоко у ног, в ней умеренность и покой. Пышнотелая Осень первым двум, скорее, годится в матери. Ее Володька изобразил в полный рост рядом с Летом, но над Весной. Эта женщина много работала, много пережила, устала. Она устремлена к Лету, но через плечо бросила беспокойный взгляд на сидящую немного в отдалении старуху в одежде цвета мокрой коры деревьев. Зима безрадостно глядит перед собой с немым вопросом: и это все? Каждую фигуру подчеркнул пейзаж, присущий определенному циклу года. Если небо над головой Лета безоблачно, то над Осенью оно в облаках, которые постепенно сгущались в тучи над Зимой. Мазки удалось уложить аккуратно, так что каждый влился один в другой, но тем не

менее просматривается отдельно, отсюда потрясающая экспрессия и никакой слащавости. Удалась работа, нет слов, но все это уже пройденный этап.

— Я могу лучше написать, — уверенно сказал он, выйдя из задумчивости.

Выслушав Влада, Полин смерила художника оценивающим взглядом, затем заговорила медленно, не отрываясь от картины, с нотами сомнения и грусти в голосе.

— Она думала, что работа написана зрелым человеком, — переводил Влад. — В твоём возрасте невозможно знать тайны и переживания женщин. Мужчины твоего возраста, да и старше, не способны воспринимать чужие тревоги, особенно женские. Они им кажутся надуманными и скучными. Это под силу пожилому человеку и много повидавшему.

— У меня богатый опыт по части женской популяции, — хвастливо заявил Володька.

— Что, так и перевести? — изумился Влад.

— Валяй, не стесняйся.

— Почему талант достаётся кретинам? У неё есть к тебе предложение...

— Согласен на все её предложения. Где, когда, во сколько?

— Полин приглашает нас поужинать.

— Не знаю, стоит ли ей об этом говорить... — занялся Володька. — Видишь ли, я со вчерашнего дня занимаюсь... э... лечебным голоданием. И ты не понял? Короче, у меня в карманах — ноль, пусто.

— Не беспокойся, наша дама оплатит ужин. Таковы здесь правила: кто приглашает, тот и платит. Согласен?

— Ещё бы! Правда, за даму предпочитаю платить я, но раз она так рвется... Да, а как с расчетом? Просто так возьмем и уйдем?

— Ты не в России, — рассмеялся Влад. — Никуда твои деньги не убегут. Я объясню по

дороге, что нужно завтра сделать, впрочем, основную работу выполню сам.

У выхода Влад попросил немного подождать. Находясь совсем близко к Полин, открыто изучавшей его, Володька тоже заинтересовался прежде всего ее своеобразным лицом. А поскольку стоять и молчать как-то неловко, да притом в упор разглядывать, свои впечатления высказывал вслух:

— Полин... По-нашему просто Полина... У тебя золотистые глаза... И зрачки то расширяются, то сужаются... Но это от света. Странно, глаза у тебя какие-то спрятанные. Ты, наверное, не слишком откровенная. Знаешь, я классный физиономист. Правда, все равно попадался в лапы дерьма. Но это не важно. Закажи мне свой портрет, а? Я бы написал один зрачок суженный, а другой расши... Нет, не годится. Может получиться хищное выражение, а ты не хищница. Ты, конечно, старше меня, возможно, много старше... Мне нравятся женщины постарше, хотя таких у меня не было. Вообще ты, Полин, ничего, стоишь... У тебя сильные губы... Уф, я даже вспотел.

К счастью, вернулся Влад. И они окунулись в ночной Париж, в бурлящий, кипящий, колдовской Париж, который завораживает и заставляет мечтательно трепетать. И кого только не видел этот город! Века пропустил через себя, выбирая уникалов, которых в его коллекции тысячи. И Володька будет в этой коллекции! Слышишь, Париж? Будет! Только так! Не иначе!

РОССИЯ, ЭТО ЖЕ ВРЕМЯ

Марк ждал. А почему, собственно, решил, что услышит выстрел? Здесь людное место, выстрела можно не услышать, если стрелять через глушитель.

Тогда должна быть только боль. Мгновенная, сильная, пронизывающая до мозга. Он ждал

боли. Тело напряглось, словно защищаясь от пули, но человек сзади не стрелял. Казалось, прошло много времени, на самом деле всего несколько секунд. Несколько секунд!..

— Ну-ка повернись. — И, не дожидаясь, когда Марк это сделает, человек сзади сам развернул Ставрова резким движением руки.

Наконец Марк увидел того, кого вот уже почти полгода разыскивает и кто методично преследует его, наводя ужас. Кожаная куртка с молниями, кожаные брюки и армейские ботинки — это он, тот самый мотоциклист. Ставров впервые видел его без шлема. Лицо закрыла густая и неопрятная борода, волосы отросли до плеч, а глаза сверкали звериной яростью. Да, это, вне сомнения, он. В руках его не было пистолета, значит, решил убить Марка другим способом.

Тем временем бородач рассматривал Ставрова, слегка подавшись корпусом вперед и вытянув шею.

— Тебе чего, гангстер? — вдруг услышал Ставров спасительные нотки. К ним подбежал Леха и остановился сзади бородача.

«Гангстер» покосился краем глаза на Леху, затем снова уставился на Ставрова и разочарованно протянул:

— Я ошибся. Обознался. Мне чувак бабки должен и делает ноги от меня. А этот похож сильно. Извиняюсь.

Он панибратски хлопнул Ставрова по плечу и отошел к мотоциклу. Потом, бросив на Марка и Леху обиженный взгляд, будто те виноваты, что он не получил долг, снова разочарованно вздохнул и с ревом умчался на мотоцикле.

Марк не сразу понял, что страхи были напрасны. Но они были. После напряжения в ногах появилась слабость, а плечи ссутулились, как от тяжести.

Леха догадался: